

Якоб Бёме: ужас божественного

Серафим Стасенко, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), ssstasenko@edu.hse.ru

Якоб Бёме – христианский мистик раннего Нового Времени, наследующий целой линии, которую Фрэнсис Йейтс назвала «герметической традицией». Сапожник по профессии, самоучка в образовании, он, по его словам, в 1600 году получает мистический опыт и пишет спустя более чем 10 лет книги, повествующие о том, что «открылось ему в духе». В этих книгах Бёме, на основании вкусовых ощущений и человеческих чувств описывает «самозарождение Божества» и творение Им мира.

Бог Якоба Бёме представлен не только в позитивно, но и, в некотором смысле, «негативно». То, что в философских кругах называют проблемой теодицеи, в случае мистической системы Бёме имеет максимально практические решения. Это проистекает из того, что страдания, смерть и воскресение Христа осуществляется не только на земле, но и в космическом, космологическом масштабе, из чего следует, что в глубине Бога Отца заключен корень ада. Исследование ужаса, возникающего при этом, особенно сегодня, в контексте объектно-ориентированной онтологии, или спекулятивного реализма представляет несомненную актуальность.

Ключевые слова: Якоб Бёме, мистицизм, герметическая традиция, гностицизм, метафизический ужас, «der Angst»

Для цитирования: Стасенко С.С. Якоб Бёме: ужас божественного // Метаморфозис. 2024. Т. 8. № 3. С. 75-83.

Якоб Бёме – христианский мистик начала XVII в., испытавший на себе влияние предшествующей мистической традиции, Парацельса, Лютера, кабалистов и магов эпохи Возрождения. Как отмечает Шаулов, современный переводчик его трудов на русский язык, та унавоженная почва, на которой пророс Бёме, может быть названа, пользуясь определением английской исследовательницы возрожденческого эзотеризма Фрэнсис Йейтс, «герметической традицией»¹. И даже если мы отрицаем эту традицию как горизонтальный, временной феномен, как передачу примерно одного и того же знания от ученика к ученику (с чем соглашается большинство современных исследователей этого вопроса, например, знаменитый Воутер Ханеграфф),

¹ Шаулов С.М. Божественная fuga и партия человека в ней // Бёме Я. De signatura rerum, или о рождении и обозначении всех сущностей/ пер. с нем. С.М. Шаулова. Уфа: ARC, 2020. С. XVI-XVIII.

все же можно говорить об историко-культурных предпосылках, сформировавшие дух эпохи. Тем более, как отмечает Артур Верслуис, другой современный исследователь западного эзотеризма, та роль, которая на Востоке отдавалась учителю, гуру, на Западе, начиная со времени появления философии, перешла к тексту, книге².

Поскольку он не имел систематического образования, но обладал чрезвычайно живым воображением (именно о нем Энгельс скажет: «Сапожник Якоб Бёме был большой философ. Некоторые именитые философы – только большие сапожники»³), в его трудах мы сталкиваемся с оригинальным, почти ни на что не похожим мировоззрением. Будучи весьма плодовитым автором (им было написано 32 работы, несмотря на то, что при жизни ничего так и не было издано), каждый его труд является своего рода вариацией на одну и ту же тему с использованием

приблизительно одинаковых понятий. Эти «одинаковые» понятия, однако, в известной степени условны и было бы слишком смелым утверждением говорить о том, что его мистическую философию можно описать в ясных и непротиворечивых формулировках. Являясь более поэтом, чем философом, Бёме чрезвычайно труден для восприятия и, если стоит цель его понять, приходится использовать эмический подход, согласно которому мы смотрим глазами инсайдера, то есть пользуемся тем же методом описания, что и автор, которого мы исследуем. Одновременно с этим, для изложения его теософии требуется не один определенный труд, а их совокупность, как

² Носачев П.Г. Отреченное знание. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 370-373.

³ Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая) // Энгельс Ф., Маркс К. Сочинения: В 50 т. Т. 1. 2 изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 77.

если бы мы стремились научиться играть на музыкальном инструменте (образ самого Бёме), проигрывая на нем различные композиции и тем составляющие себе целостное впечатление о его возможностях.

В чем же особенность учения самого Якоба Бёме? Прежде всего стоит заметить, что, хотя оно формировалось на основе предшествующей традиции, все же никак не может быть к ней редуцировано. Доказательством служит, во-первых, чрезвычайно необычный тип описания божественных тайн, что открылись Бёме в мистическом озарении (и здесь, конечно, его следует понимать отнюдь не аллегорически, не как обычное вдохновение). Для описания Бога он пользуется вкусовыми ощущениями, используемыми в качестве метафизических понятий. Например, «терпкость» (обозначающая чувство сжатия внутри гортани) или «острота» (чувство горения и разделения). Затем эти чувства перетекают в «страх», который явно относится к другой области. На первый взгляд все это создает впечатление дикой сумятицы, хаоса и неудобоваримой каши, от которой нет никакого прока (именно это служит частой причиной того, почему многие попытки читать Бёме заканчиваются разочарованием и жгучим неприятием). Но несмотря на то, что его труды разобрать не легче, а подчас, быть может, и сложнее, чем труды алхимиков Средневековья и Возрождения, если добиться известного терпения и внимания к каждой незначительной детали, со временем сложность начнет проясняться и перед нами возникнет, хоть и запутанное, но вполне непротиворечивое учение.

Основная проблема связана с тем, что одни и те же понятия, как и в алхимии, в разном контексте значат весьма различные вещи. Из-за этого на первый взгляд может показаться, например, что Бёме называет Бога Отца дьяволом, следуя гнозису Маркиона, разделявшего Ветхий и Новый Заветы, что, конечно, обстоит совсем иначе. Возникающие противоречия и неясность, однако, не могут быть устранены предварительно, до всякого разбора его теософии, поэтому будем справляться с ними по ходу изложения. Начнем с теогонии и космологии, которые объединены у него в одно целое, памятуя, что для Бёме внутренняя реальность всегда первичней внешней, то есть реализуется классический принцип видения мира сверху вниз. Об этом же стих Ангелуса Силезиуса, впитавшего в себя идеи Бёме:

Бог – это то, что Он есть;
Я – это то, что я есмь:
Но познав из нас одного,
Ты познаешь обоих⁴.

Итак, как, с точки зрения Бёме, мы можем знать нечто о Боге? Через нахождение в недрах нашей внутренней конституции «Сигнатуры», «об-

⁴ Фокин И.Л. Philosophus Teutonicus Якоб Бёме: возведение и путь немецкого идеализма. Второе издание, переработанное и дополненное. СПб.: Из-во «Умозрение», 2019. С. 264.

разности», которая является образом и подобием самого Бога. Бёме следует классической для Возрождения и раннего Нового Времени максимы о том, что микрокосм – наш внутренний мир – является отражением макрокосма – внешней реальности, большого космоса. Двумя столетиями позже Гёте, подвергнутый тому же импульсу и являвшийся, к слову, почитателем Бёме, напишет в «Фаусте»: «Пергаменты не утоляют жажды. Ключ мудрости не на страницах книг. Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой, в своей душе находит их родник»⁵.

Итак, что же открывается перед лицом Бёме? Опишем это его языком, подводя, однако, известную систематизацию.

Вначале было «Ничто», «Вечная Тишина», «Покой». В качестве аналогии вспомним знаменитое место из платоновского «Федра»: «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоем достоинству. Она же вот какова... эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – уму; на нее-то и направлен истинный род знания»⁶.

В этом «Ничто» стоит вечная воля к проявлению в «Нечто». Потом его материализация в природе (природой Бёме называет всякое проявление, то есть всякое сущее). Это изначальное стремление находит только самого себя, которое в своей сути является голодом (жаждой, стремлением).

Эта «Воля» начинает втягивать самое себя в саму себя, что создает великую темноту, затемняющую «Ничто». Эта темнота обременяет изначальную «Волю», из-за чего та стремится вернуться обратно в «Ничто», но это не удастся, так как уже возникло «вожделение» и «тьма». Из-за этого происходит возникновение трех «образов».

Первый образ – сама темнота, твердость, «терпкость». Второй образ – втягивание, происходящее в «терпкости», являющееся причиной первого движения. Первое качество («терпкость») не переносит движение и оттого стягивается в себя еще сильнее, чтобы остановить «жало» (втягивание), но оно от этого еще больше распаляется. «Жало» хочет освободиться от терпкости, но не может этого сделать, потому что терпкость держит его и ему некуда освободиться, поскольку оно и терпкость – это и есть весь мир, целое, как не может часть круга вырваться за границу периферии. Из-за этого, «со временем» (надо помнить, что все это происходит в вечности и, по сути, одновременно), возникает вращение, крутящееся колесо, водоворот, торнадо. Рождается третий образ, который называется «страхом». Эссенции дробятся, в этом коловращении возникает множество вожделий, вызывающих во вражде друг с другом боль (бёмевский аналог платонических эйдосов, которые находятся в Уме Демиурга).

⁵ Гёте И.В. Фауст / пер. с нем. Б.Л. Пастернака. М.: Художественная литература, 1969. С. 53.

⁶ Платон. Федр // Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 2. СПб.: Из-во Олега Абышко, 2007. С. 87.

Происходит замкнутый круг. Эти три образа воли становятся противоположем, конфликтом по отношению к изначальной «Воле Свободы», которая исходит из «Ничто». Это можно сравнить с состоянием отдельного человека: вначале утробный покой, единство подсознания и сознания, затем рождение, возникновение со временем внутренних противоречий и, наконец, выход из них в зрелом возрасте, что в случае метафизической системы Бёме соотносится с пятым образом, о котором мы будем говорить далее.

Однако, если бы этого конфликта не произошло, ничего бы и не было, Откровения Ничто, самоосознания Ничто для самого себя не осуществилось бы. Бёме пишет: «Если бы не было нескончаемого смешения, то в природе был бы вечный мир; но так природа не была бы явлена, в распри она становится явной...»⁷. Другими словами, именно благодаря первичному хаосу, «дрожащему» ужасу в недрах божественного самопроявления становится возможным и его преодоление и «становление» Троиственного Бога как мы его «знаем», то есть с катафатическими атрибутами всеблагости, вседоброты, всемогущества и т. д. Одно не существует отдельно от другого, они следуют друг за другом, как гегелевские тезис, антитезис и синтез.

Наконец, в результате усиливающегося трения космических масштабов, которое обусловлено тремя первичными образами, возникает пламя, жаркий и холодный огонь – четвертое качество. Это, по Бёме, корень ада и всего зла, которое есть в мире. Но изначальная «воля Ничто», которая желала проявиться и тем сотворила катастрофу, вернулась обратно в «Ничто» и вышла в пятом качестве «чистым светом». По аналогии с предшествующими образами это знаменуется «молнией» в центре колеса, или зажжением лампы, из-за чего деструктивный аспект огня укрощается и дает «тихую радость» и «смирненную ясность». Этот пятый источник духа, который Бёме называет собственно Богом, как Абсолютным Существом, наделенным бесчисленными совершенствами, является космическим Христом, который вечно распинается в бесконечном круговороте «злой» воли Бога Отца, хотя в Своем основании Бог Отец не имеет в себе никакой вражды и желает лишь Самопроявления и Самооткровения. Первые четыре качества соответствуют четырем стихиям и четырем сторонам метафизического Креста, а образуемый ими Центр становится *spiritus*-ом, духом, квинтэссенцией. Другой образный ряд связан с центральными алхимическими понятиями: Сульфуром, Меркурием и Солью⁸. Бёме, в согласии с платоновской и каббалистической традицией (см. диалог «Кратил» и такое каббалистическое понятие как «гематрия», которые усматривают «этимологии» в каждой отдельной букве) разбирает первое слово на две части. «Sul» – дотварная воля, первичная чистая «интенция» Ничто. «Phur» – это утверждение, материализа-

⁷ Бёме Я. *De signatura rerum*, или о рождении и обозначении всех сущностей / пер. с нем. С.М. Шаулова. Уфа: ARC, 2020. С. 22.

⁸ Там же. С. 22-33.

ция (в идеальном смысле), первое качество «терпкости». «Mercurius», или ртуть, который в алхимии обозначает женский и водно-воздушный аспект вещества (в психологии Юнга и традиционалистских сопоставлениях Эво-лы – это бессознательное) отождествляется с образующимся колесом, которое начинает крутиться. Наконец, третьему элементу, «соли» (Salt) будет соответствовать трение и ужас, из которых впоследствии возникнет огонь.

Итак, Бог Отец по Бёме, он же в Своем первом проявлении Гнев Божий является корнем ада и мирового страдания, перед лицом Которого человек испытывает невыразимый ужас и с которым, подобно Иакову, должен бороться, желая пробудить в себе внутреннего Христа, Который сказал о Себе: «кто не родится из воды и Духа, тот не войдет в Царство Божье» (Ин 3:5). Фактически, это форма гностицизма, с тем главным отличием, что катастрофы было не избежать при творении мира, она является логической необходимостью и также логично преодолевается в вечности. Иными словами, Добро, или Бог как мы Его понимаем, не могли бы возникнуть без предшествующего наличия Зла, в котором вечный Христос вечно умирает для зла и вечно воскресает для иного, т. н. Второго Начала, в котором Он вместе с Богом Отцом и Богом Святым Духом составляет Троицу. Но в своем изначальном виде, в «Первом Начале» воля Бога Отца остается корнем зла и нестерпимого ужаса. Юнг в «Архетипах коллективного бессознательного» напишет: «Видение гнева Божьего, которое мы... встречаем у Якоба Бёме, плохо сочетается с новозаветным Богом – любящим Отцом Небесным, и по этой причине легко могло стать источником внутреннего конфликта... Якоб Бёме также говорит о Боге как об «Огне гнева», *Deus absconditus*. Ему удалось преодолеть глубинное и мучительное противоречие с помощью христианской формулы «Отец – Сын» и спекулятивно включить ее в свое гностическое (но в основных пунктах все же христианское) мировоззрение. Иначе он стал бы дуалистом. Кроме того, ему на помощь пришла алхимия, в которой уже давно подготавливался союз противоположностей»⁹.

Нетрудно догадаться, что на Якоба Бёме обратил внимание и Рудольф Отто в своем «Священном». Усматривая начала религии в нуминозном, которое одинаково далеко как от добра, так и от зла, вызывает чувство тотальной зависимости, ужаса, но и одновременно очарованности перед всеильной трансцендентной реальностью, он, однако упрекнет того в излишней натурфилософичности, которая с точки зрения Отто составляет «ложную науку теософию»¹⁰.

Вообще говоря, главный мотив натурфилософии Бёме, божественный ужас, проявляющийся в ходе сотворения мира и, в некотором смысле, ему

⁹ Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. Чечиной. М.: Из-во «АСТ», 2019. С. 17.

¹⁰ Отто Р. Священное / пер. с нем. А.М. Руткевича. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. С. 172.

предшествуемый, находит параллели на Востоке. В Брихадараньяка-Упанишаде в четвертом брахмане первого раздела Мадху мы читаем: «Вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя...Он боялся. Поэтому [и поныне] тот, кто одинок, боится. И он подумал: «Ведь нет ничего кроме меня, – чего же я боюсь?» И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться? Поистине, [лишь] от второго приходит боязнь»¹¹. Здесь, помимо указанного, присутствует и взаимозависимость между изначальным существом (Атманом) и человеком в его проявленной актуальности.

Логика всех мистиков: не Бог сотворен по образу и подобию человека, но он сам, и именно поэтому исследование нашего внутреннего мира способно принести столько пользы в познании трансцендентного. Не Бог антропоморфизмуется, а человек перенимает на себя божественные качества, и поэтому тот путь, который божество проделывает в вечности, человек должен пройти здесь на земле, у себя в душе. И так, как Христос воплощается в вечности, минуя безграничный ужас, так и мы должны испытать почти нестерпимую горечь отчаяния и божественного страха, прежде чем в нас самих забрезжит свет Второго Начала, о котором говорит Бёме.

Литература

Гёте И.В. Фауст / пер. с нем. Б.Л. Пастернака. М.: Из-во «Художественная литература», 1969.

Носачев П.Г. Отреченное знание. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Отто Р. Священное / пер. с нем. А.М. Руткевича. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008.

Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2 СПб.: Из-во Олега Абышко, 2007.

Упанишады в 3-х книгах. М.: Наука, 1992.

Фокин И.Л. Philosophus Teutonicus Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. Второе издание, переработанное и дополненное. СПб.: Из-во «Умозрение», 2019.

Энгельс Ф., Маркс К. Сочинения. 2 изд., М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 1.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. Чечиной. М.: Из-во «АСТ», 2019.

Якоб Бёме. De signatura rerum, или о рождении и обозначении всех сущностей / пер. с нем. С.М. Шаулова. Уфа.: ARC, 2020.

¹¹ Брихадараньяка-Упанишада // Упанишады в 3-х книгах. М.: Наука, 1992. С. 73.

References

Engels F., Marx K. Sochineniya. 2 izd. [Works i 2 vols], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955. Vol. 1 (in Russian).

Fokin I.L. *Philosophus Teutonicus Jakob Byome: vozveshchenie i put' nemeckogo idealizma. Vtoroe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe* [Philosophus Teutonicus Jacob Böhme: the herald and path of German Idealism. Second edition, revised and enlarged.]. Saint Petersburg: Umozrenie Publ., 2019 (in Russian).

Goethe J.W. *Faust* [Faust], transl. from Germ. by B.L. Pasternak. Moscow: Khudozhestvennaya literature. Publ., 1969 (in Russian).

Jakob Böhme. *De signatura rerum, ili o rozhdenii i oboznachenii vsekh sushchnostey* [De signatura rerum, or the birth and designation of all entities], transl. from Germ. by S.M. Shaulov. Ufa: ARC Publ., 2020 (in Russian).

Jung C.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Die Archetypen und Das Kollektive Unbewussten], transl. from Germ. by A. Chechina. Moscow: AST Publ., 2019 (in Russian).

Nosachev P. G. *Otrechennoe znanie* [Forsaken knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023 (in Russian).

Otto R. *Svyashchennoe* [Das Heilige], transl. from Germ. by A.M. Rutkevich. Saint Petersburg: SPb university Publ., 2008 (in Russian).

Plato. *Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 2* [Works in four volumes. Vol. 4]. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2007 (in Russian).

Upanishady v 3-kh knigakh [The Upanishads in 3 books]. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian).

Jacob Böhme: the horror of the divine

Serafim Stasenko, master's student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), ssstasenko@edu.hse.ru

Jacob Böhme was an early New Age Christian mystic who inherited an entire lineage of what Frances Yates has called the "Hermetic tradition". A shoemaker by trade and self-taught in education, he is said to have had a mystical experience in 1600 and wrote books more than 10 years later recounting what "had been revealed to him in the spirit". In these books, Böhme, on the basis of taste and human senses, describes the "self-generation of the Godhead" and His creation of the world.

Jacob Böhme's God is presented not only in a positive way, but also, in a sense, in a "negative" way. What in philosophical circles is called the problem of theodicy, in the case of Böhme's mystical system has the most practical solutions. It stems from the fact that the suffering, death and resurrection of Christ is realized not only on earth, but also on a cosmic, cosmological scale, from which it follows that in the depths of God the Father lies the root of hell. Exploring the horror of this, especially today, in the context of object-oriented ontology, or speculative realism is of undoubted relevance.

Keywords: Jacob Böhme, mysticism, hermetic tradition, Gnosticism, metaphysical horror, "der Angst"

For citation: Stasenko S.S. (2024) Jacob Böhme: the horror of the divine // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 3. P. 75-83.